

ВЯЧЕСЛАВ МАНЯГИН

ГЕРОИ И ПОДЛЕЦЫ
СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

Вячеслав Манягин

**Герои и подлецы
Смутного времени**

«Книжный мир»

2021

УДК 63.3(2)44
ББК 94(47).045

Манягин В. Г.

Герои и подлецы Смутного времени / В. Г. Манягин —
«Книжный мир», 2021

ISBN 978-5-6045751-5-4

Смутное время – одна из самых трагических страниц русской истории, наполненная политическими интригами, кровопролитными битвами, героизмом одних и предательством других. То, что мы знаем о людях тех времен из школьного учебника, зачастую совершенно не соответствует их реальным делам. Эта книга расставит по своим местам героев и подлецов Смутного времени и позволит читателю понять, кто есть кто в русской истории начала XVII века. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 63.3(2)44
ББК 94(47).045

ISBN 978-5-6045751-5-4

© Манягин В. Г., 2021
© Книжный мир, 2021

Содержание

Вступление	6
Глава 1	12
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вячеслав Геннадьевич Манягин
Герои и подлецы Смутного времени
Третье издание

* * *

© В. Г. Манягин, 2021

© Книжный мир, 2021

Вступление

Четыре века назад вместе с Великим голодом на Русь пришла и первая Смута.

Как тогда говорили, «народ согрешит – царь умóлит, а царь согрешит – народ не умóлит». Видно сильно согрешил царь Борис, а вместе с ним и русский народ, если Господь посетил Россию гладом, мором, междоусобицей, нашествием иноплеменных и разорением государства.

За три голодных года вымерло около половины населения страны: от 1/3 на теплом юге до 2/3 на суровом севере. Даже если летописец преувеличивал, все равно последствия голода были ужасны. На рынках продавали человечину. Дети поедали родителей, а родители – детей. Очевидец писал, что сам видел, как на столичной площади мать разрывала на части и поедала своего еще живого ребенка. Пишу об этом не для того, чтобы ужаснуть кого-то, а для того, чтобы показать, до каких глубин может пасть человеческая душа. Владельцы крепостных, не имея возможности их прокормить, выгоняли людей на улицу, навстречу голодной смерти. Чиновники разворовывали хлеб и деньги, отпущенные из казны для пропитания голодных и даже саван для похорон неимущих. Купцы спекулировали зерном, наживаясь на бешеном росте цен. Православный ел православного в прямом смысле слова.

Мир рушился. Человек лишался нравственной опоры, и после этого уже всё было возможно. Немногие устояли в то время. У большинства со дна души поднялась та муть, которая и стала истинным началом Великой Смуты русского народа.

*В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.*

*Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольний мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»
Из тьмы лесов стремился до царя.*

*На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот озверены и неодеты,
И сны осуществлялись наяву.*

*Гроба, отяжелевшие от гнили,
Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.*

*От бурь и вихрей башни низвергались.
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.*

*Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках молча старцы ждали,*

Качая поседевшей головой.

*Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя¹.*

Великий голод в Москве

В 1603 г. закончился голод, но начался бунт против царя. Изверившийся во всем народ двинулся на столицу. Социальная война, вызванная голодом и реформами Годунова, накалила обстановку в обществе до предела. Страна бурлила, как кипящая вода в закрытом котле, пар готовился сорвать крышку. Выброшенные помещиками во время бедствия на улицу «лишние рты» – крепостные, дворня, боевые холопы – лишившись земли, крова и средств к существованию, сбивались в гигантские разбойничьи шайки и опустошали страну, логично решив, что если они не нужны господам, то и господа не нужны им. С повстанческой армией Хлопка под Москвой воеводам Годунова пришлось выдержать не одно сражение, прежде чем ее удалось разгромить. Восстание против царской власти – не против боярина, местного князька или присланного из Москвы чиновника, а против самого помазанника Божьего – явление для средневекового менталитета экстремальное. Мировосприятие у человека того времени было весьма отличным от нашего.

Не стоит думать при этом, будто наши предки были глупее нас только потому, что не знали закона Ома. И мозги у них были что надо, и руки росли из того места. Но само течение жизни – размеренное и предсказуемое как смена времен года, без газет, телевидения и интернета – не предусматривало резких политических и социальных изменений. На небе был Бог, в Москве – царь. Причем Бог – православный, а царь – урожденный. Поближе – боярин-барин или дворянин-помещик.

Но вот со смертью младенца-царевича в Угличе пошел под горку локомотив истории. Все быстрее крутились его колеса, все стремительней проскакивали полустанки и станции. Пар,

¹ К. Бальмонт. В глухие дни.

свист, стук – и вот уже машинист ничем не рулит, ни на что не влияет, а пассажиры только и могут с ужасом смотреть из окон на пролетающие мимо руины, пожарища да кладбища.

Конец династии Ивана Калиты и жуткий голод, угробившийся полстраны, выбили скрепы народной жизни. А затем – вторжение «названного Дмитрия» (как называли человека, известного ныне под именем Лжедмитрия I некоторые осторожные дореволюционные историки), странная смерть Бориса и жестокое убийство его семьи, воцарение самозванца и его неожиданное падение, и, наконец, восшествие на престол Василия Шуйского – и все это всего лишь за один год! За один год сменилось три династии. В городах и весях Святой Руси еще пировали по случаю обретения «урожденного царя Дмитрия Ивановича» (Годунова – выскочку из мелкопоместных дворян – многие за подлинного царя так и не признали), а тут уже и этот оказался самозванцем и папёжником. А что такое самозванец на царском престоле? Царь – живая икона Бога на земле, христос (помазанник) Божий, единственный из всех людей в мире дважды получающий святое миропомазание. Но если царь – христос, то незаконно выдающий себя за царя и самозвано забравшийся на престол есть противник Христа – антихрист.

Голова шла от этого кругом. Страшно было от мыслей, теснившихся в ней. Ведь если Годунову – «татарину и зятю Малюты» можно, если можно беглому монаху Отрепьеву, так выходит – любому можно?.. Отсюда и пошли потом многочисленные самозванные «царевичи» Дмитриии, Петры, Илейки Муромские и прочие. Рушилась вера не просто в сакральность царской власти, рушилась вера в богоустановленное мироустройство, в Самого Господа. Да и трудненько было сохранить веру в Него после того, как ели в Великий голод пироги с человечинной. И то ли еще будет! Одни котлы с солониной из человеческих трупов, обнаруженные в Кремле победившими ополченцами Минина и Пожарского чего стоят! А ведь оборону Кремля держали не только поляки, но и русские сторонники царевича-королевича Владислава. Отсиживался вместе с поляками и своими родственниками за кремлевскими стенами от русских ополченцев и будущий первый царь из династии Романовых Михаил...

Когда смотришь на череду действующих лиц Смутного времени, то видишь перед собой почти одних интриганов, заговорщиков, клятвопреступников, изменников, убийц, самозванцев. С трудом находишь среди них людей, не тронутых тлением Смуты. Таких можно счесть по пальцам одной руки: патриарх Гермоген, князья Скопин-Шуйский, Пожарский, староста Минин... Вот, пожалуй, и все. Это среди русской элиты. А в простом народе – казаки, лисовичики, каждый против всех и все против каждого. Жгут друг другу пятки, в надежде добыть серебряную копеечку. Переславцы идут грабить ростовцев, южане – северян, города и целые области мотает как корабль в шторм, от Шуйского к Тушинскому вору, от поляков к Пожарскому. Ополчение вышло освобождать Москву: 1200 человек... И как-то никто не вспоминает, что и эти герои, последняя надежда Руси, пошли спасать ее за жалованье, от 35 до 50 рублей в год.

Утешает лишь то, что во все времена, во всех народах было так же, и мы – не лучше и не хуже. Чтобы это понять, стоит только оглянуться вокруг: в наше новое смутное время ничего не изменилось, разве что в худшую сторону...

По словам очевидца Смуты, келаря Сергиевой лавры Авраамия Палицына, «гибли Отечество и Церковь; храмы истинного Бога разорялись, подобно капищам Владимирова времени; скот и псы жили в алтарях; воздухами² и пеленами³ украшались кони; злодеи пили из святых потиров⁴, на иконах играли в кости; в ризах иерейских плясали блудницы. Иноков, священников палили огнем, допытываясь сокровищ; отшельников, схимников заставляли петь срам-

² Воздух – большой матерчатый плат (покров), которым покрывается чаша и дискос.

³ Пелена – плат, который подвешивался под иконы нижнего ряда иконостаса, а также под особо чтимые иконы, стоявшие в храме на отдельном постаменте или в киоте.

⁴ Потир – священный сосуд (чаша) для причастия.

ные песни, а безмолвствующих убивали... Люди уступили свои жилища зверям; медведи и волки, оставив леса, витали в пустых городах и лесах; вороны плотоядные сидели станицами на телах человеческих; малые птицы гнездились в черепаках. Могилы, как горы, везде возвышались. Граждане и земледельцы жили в дубах, в лесах и пещерах неведомых, или в болотах, только ночью выходя из них обсушиться. И леса не спасали: люди, уже покинув звероловство, ходили туда с чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь в густоте древесной, страшались вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили до смерти. Не светом луны, а пожарами озарялись ночи; ибо грабители жгли, чего не могли взять с собою – дома и скирды хлеба, да будет Россия пустынею необитаемою...»

И не поляки все это делали (по крайней мере, далеко не всегда поляки), а свои русские и православные: дворяне, крестьяне, казаки. А началось все с убийства младенца в Угличе – кем бы этот младенец ни был, царским сыном или подставленным вместо него сыном простолюдина. А за ним последовал шестнадцатилетний царевич Федор Годунов с разможенной дубинкой головой, далее – повешенный в метельный полдень четырехлетний Ваня Мнишек и тысячи, десятки тысяч детей – изнасилованных, задушенных, съеденных в голодные годы, – вплоть до подвала Ипатьевского дома, который впитал июльской ночью 1918 года невинную кровь убитых царских детей.

Пятнадцать лет непрерывной гражданской войны и польско-шведской интервенции уничтожили еще 50 % из тех, кто выжил в голодные годы. Страна лежала в руинах. Немецкий посол по дороге от Новгорода до Твери, не встретил ни одной населенной деревни! Все дома вдоль дорог были забиты непогребенными трупами.

Таковы были результаты Смуты, бушевавшей над Россией до 1618 года.

* * *

Большинство историков XIX–XX вв. считают Смуту результатом 50-летнего правления царя Иоанна Грозного. Вот что написал об этом времени отнюдь не самый «зашоренный» советский ученый, ведущий специалист по русскому средневековью Р. Г. Скрынников: «От эпидемий и голода умерли десятки тысяч человек. От рук опричников погибло 4000... Города были центрами средневековой цивилизации. Их население было малочисленным. Репрессии нанесли огромный ущерб городам... Вся мрачная затхлая атмосфера средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежением к достоинству и жизни человека, пропитана всевозможными грубыми суевериями» (курсив мой. – В. М.).

Однако был и другой взгляд на причины Смуты. «Великая беда (Смута) есть следствие законов Бориса Годунова, сделавших невольными крестьян», – писал в свое время Татищев. По мнению историка князя М. М. Щербатова, главной причиной возникновения Смуты была «политика Годунова».

Действительно, историки как бы забывают, что между смертью Ивана Грозного и началом Смуты прошло четырнадцатилетнее царствование Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного и последнего Рюриковича на московском престоле и семилетнее правление царя Бориса Годунова. Более двух десятилетий, в течении которых страной, сначала фактически, а потом и де-юре управлял Годунов.

Обвинять Ивана Грозного в том, что Смута является результатом его правления, все равно, что обвинять Сталина в перестройке и гибели СССР. И тот и другой виноваты лишь в том, что при их правлении Русское государство стало настолько могущественным, что это вызвало крестовый поход против него всех ведущих государств и политических сил западного мира.

Если же трезво взглянуть на факты, то Смута – результат последовавшего после царствования Иоанна IV слома той социальной системы, которую на протяжении нескольких столетий возводили правившие Россией государи из династии Ивана Калиты.

К мысли о необходимости создания такой системы московские великие князья пришли в результате осмысления исторического опыта Древней Руси и татаро-монгольского ига. Хотя попытки построить нечто подобное предпринимались и раньше, например великим князем Андреем Боголюбским, но они оказались преждевременны и безуспешны. Дело в том, что государственные и общественные реалии Древней Руси не способствовали этому. Они в значительной мере отличались от того, что мы можем видеть в Московском государстве XV–XVI веков.

Карамзин отмечал европейский характер Древней Руси. В Древнерусском государстве законодательство, образ жизни, даже одежда мало отличались от европейских. Но Платонов пишет о неустойчивости политического устройства Древнерусского государства со столицей в Киеве: постоянное перемещение князей с княжения на княжение, широкое распространение вечевой системы, ограничивающей княжескую власть, обширное частное землевладение, широкое распространение рабства – все это препятствовало установлению самодержавия.

Велика была и степень нравственного падения русского народа в XII–XIII вв. Об этом свидетельствует то, что во внешней торговле домонгольской Руси среди экспортируемых товаров важнейшее место занимали рабы – не только иноплеменники, захваченные на поле боя, но и свои, русские единовверцы.

Все это привело единое Древнерусское государство к преждевременному концу еще за век до того, как оно подверглось татарскому погрому. Никто как-то особо и не задумывается о том, почему великие князья Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский перенесли на север центр политической и государственной жизни. А ведь летописец указывает на катастрофическое запустение Южной Руси. В Чернигове – втором по величине городе Киевского княжества – сообщает летопись, «остались лишь княжеские псары да пришлые половцы». В чем же дело? Станным образом, в середине XII века, население Южной Руси разделилось на две части. Одна, меньшая, переселилась в близлежащие районы Южной Польши, а вторая – на северо-восток, в междуречье Оки и Волги. Два века спустя потомки ушедших в Польшу вернулись на запустевшие земли Приднепровья. Так появились малороссы. Ушедшие на север остались среди болот и лесов Владимиро-Суздальской Руси, ассимилировали коренных и рыжих угро-финнов и создали Московскую Русь. Так появились великороссы. Эти процессы шли во время татаро-монгольского ига и закончились к моменту его падения. По мнению современников, татарское иго было дано Богом как горькое лекарство для вразумления русского народа и исправления его путей.

Принципы, на которых создавалось Московское государство, заметно отличались от тех, на которых была основана Киевская Русь. Часто историки, страдающие русофобией, называют Россию азиатской страной, но, не в силах объяснить конкретно, в чем же заключается наша «азиатчина», начинают что-то плести о дураках и дорогах. Дело, конечно, не в этих двух бедах нашей страны, а в социально-политической системе Московского государства.

Если искать аналогии с Московским государством, то надо обратиться к азиатской древности библейских времен. Его основополагающие принципы были те же, что в архаических государствах: Ассирии, Египте, ветхозаветном Израиле до его вавилонского плена и даже доколумбовых государствах Центральной и Южной Америки – ацтеков и инков. Это сословность, государственная собственность на землю и сакральность верховной власти.

Нет сомнения, что московские государи, приступая к строительству своего государства, уже имели определенный план, и неуклонно выполняли его, передавая эстафету от отца к сыну на протяжении столетий. Его важной составной частью было построение справедливого, сословного общества, просвещенного христианской верой. Именно в XV–XVI веках Московская Русь была наиболее близка к достижению этого идеала.

Прав был Татищев. Пагубные изменения в государстве и обществе произошли не при Иоанне Грозном, а во время правления Бориса Годунова. Именно Годунов попытался основать новую династию и для этого стал искать опору не в обществе в целом, а в одном сословии, наиболее близком и полезном ему – в дворянстве. Для аристократии, князей и боярства Годунов был до конца дней чужим. Они не приняли его, и, в конечном счете, привели к гибели. Крестьяне по своей политической и военной слабости мало могли быть ему полезны. И лишь дворянское сословие, основная воинская сила государства, видевшая к тому же в Годунове «своего» царя из дворян, оказало ему поддержку. Но эта поддержка дорого обошлась и государству, и самому правителю.

Когда пришло время расплачиваться с дворянством, Годунов так реформировал налоговую систему и перераспределил государственные тяготы, что разрушил всю веками создаваемую систему сословного социального мира, основанного, прежде всего, на понятии справедливости. Подати только за первую половину правления Годунова выросли в полтора раза, а годовые проценты на ссуды – в 10 раз (!). Это объясняет, почему во время правления Бориса Годунова случилось невозможное прежде: выступление народа против центральной власти, против царя.

Борис снял тяготы с плеч дворянина и большую их часть перебросил на спину пахарю, а остальное – столь нелюбимому им боярскому племени. Но он сделал худшее – он разрушил веру в справедливость и правду на земле, разрушил «общее дело» всех православных христиан. И государство стало медленно, но неуклонно разрушаться, сползать в трясину Смуты – сначала духовной, а затем и политической.

Одним из годуновских деяний, потрясших народную душу, стало введение крепостного права. Прикрепление к земле вызвало бегство крестьян на окраины государства, что, в свою очередь, привело к нехватке рабочих рук в центре. Чтобы разрешить данную проблему, Борис разрешил кабалить, то есть обращать в рабство, вольных слуг, служащих по найму. Достаточно было проработать несколько часов на хозяина, чтобы неожиданно превратиться в его раба. Недовольство этой системой вызвало необходимость создать ей некий противовес, и Годунов приказал не только поощрять доноительство холопов на своих хозяев, но и награждать доносчиков имуществом жертвы.

Все эти изменения никак не способствовали социальному миру в стране. Они превратили более-менее мирно уживавшиеся прежде сословия во враждебные друг другу классы. Большинство «деяний» Годунова были вызваны не потребностями государства, а текущими задачами, прежде всего, одной, самой важной для него задачей – удержаться у власти, укрепить свою династию. В своих действиях он шел на поводу обстоятельств.

Годуновские реформы стали началом конца Московского государства. Пресечение династии Калиты привело к тому, что некому было поддерживать систему сословного равновесия. На вершине власти была утеряна сама идея сословного общества.

А. С. Пушкин считал, что «Борис Годунов погиб потому, что от него отвернулся собственный народ. Крестьяне не простили ему отмены старинного Юрьева дня, ограждавшего их свободу» (Р. Г. Скрынников).

Огромную роль в том, что Годунов проиграл сначала информационную, а затем и «горячую» войну своим противникам, сыграли не только проводимые им трансформации общественного устройства Московского царства, но и то, что подданные так и не стали в массе воспринимать его как легитимного («урожденного») царя. Противники Годунова в московском политическом истеблишменте организовали против него заговор. А удар, нанесенный по престижу Годунова трехлетним голодом и неспособностью царской администрации с этим голодом справиться, окончательно подорвал позиции новой династии. Смута – не столько интервенция, сколько гражданская война – стала неизбежностью. И она не закончилась до тех пор, пока силы, ее развязавшие, не добились своих целей, главной среди которых был захват престола.

Глава 1

Федор Иванович Забывтый царь

В марте 1584 года умер первый русский царь Иоанн Грозный, отравленный кем-то из придворных, подкупленных иезуитами. Точно так же, немного ранее, осенью 1581 года – от ядовитого зелья – умер старший сын и наследник Ивана IV, царевич Иван Иванович.

Нет никаких документальных подтверждений тому, что царевич Иван пал от руки своего отца, зато исследования останков царской семьи неопровержимо подтверждают, что сам царь и все его ближайшие родственники были отравлены⁵.

В останках царя Иоанна Грозного и его сына Ивана содержание ртути превышает предельно допустимую концентрацию в 32 раза!

Естественное содержание ртути составляет в печени не более 0,02 мг, в почках – 0,04 мг, а мышьяка – до 0,07 мг и 0,08 мг соответственно. В останках Ивана IV было обнаружено 1,33 мг ртути и 0,15 мг мышьяка. Таким образом, по ртути превышение ПДК в 32 раза, а по мышьяку – в 1,8 раз.

Следы отравления царевича Ивана тоже просто нельзя не заметить. В останках царевича ртути нашли ровно столько же, сколько и в останках царя Иоанна, а мышьяка почти в два раза больше, чем у отца – 0,26 мг.

В первую очередь такое совпадение может свидетельствовать о том, что царя и царевича начали травить одновременно. Одним ядом. И возможно, один человек. Кто?

После смерти царя Иоанна в Москве восстал народ. Восставшие требовали покарать ближнего свойственника Бориса Годунова, боярина Богдана Бельского, который, сообщает Татищев, по народному мнению, «извел царя Иоанна Васильевича и хочет умертвить царя Феодора». О Бельском – отравителе царя – писал Исаак Масса⁶.

На престол вступил Федор Иванович, третий сын Ивана Грозного от его первой жены, Анастасии Романовой⁷. Его правление длилось 14 лет, было наполнено многими важными событиями, но и историки, и публицисты о нем вспоминают не часто. Иностранцы (а вслед за ними и российские историки XIX–XX веков) считали царя Федора «слабоумным» за его полное равнодушие к власти и повышенную религиозность. Английский торговый агент Джером Горсей⁸ сообщал о Федоре Ивановиче, что тот «прост умом». Французский наемник на русской службе Жак Маржерет⁹ писал: «...власть унаследовал Федор, государь весьма простоватый, который часто забавлялся, звоня в колокола, или большую часть времени проводил в церкви». Наиболее развернутая характеристика русского государя принадлежит перу Д. Флетчера, английского дипломата. В частности, он пишет: «Теперешний царь (по имени Федор Иванович) относительно своей наружности: росту малого, приземист и толстоват, телосложе-

⁵ См.: Манягин В. Г. Апология Грозного царя. М.: Книжный мир, 2015.

⁶ Исаак Масса – голландский купец, путешественник и дипломат. Посланник Генеральных штатов к Московскому государству. Автор мемуаров, описывающих события Смутного времени, свидетелем которого он был, находясь в Москве в 1601–1609 гг.

⁷ Первый сын, Дмитрий, погиб в младенчестве при невыясненных обстоятельствах. По одной из версий он «случайно» выпал из рук няньки в воду при посадке на корабль. Царевич Иван Иванович был вторым сыном, а Федор Иванович – третьим. Родился 11 мая 1557 г. Царь и Великий князь Московский (1584–1598).

⁸ Джером Горсей – английский купец, дипломат и авантюрист. Жил в России в 1573–1591 гг. Автор мемуаров содержащих ценные сведения о нашей стране.

⁹ Жак Маржерет – француз, наемник, находился на русской службе с 1600 по 1606 и с 1608 по 1611 годы. Служил Борису Годуну, Лжедмитрию I, Лжедмитрию II и Сигизмунду III. Написал мемуары о России.

ния слабого и склонен к водяной; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой ослабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей».

Эти три высказывания сделаны иностранцами, у которых не было оснований относиться к Федору Ивановичу с особенной приязнью или, напротив, с ненавистью. Из их слов видно общее мнение: русский монарх «прост» и не блещет интеллектом, но это добрый, спокойный и благочестивый человек.

Царь Федор Иванович

К сожалению, вот уже несколько поколений отечественных историков и публицистов большей частью опираются в своих выводах не на эти свидетельства, а на другие, гораздо более радикальные. Их цитируют намного чаще. Без конца приводится фраза из шведского источника, согласно которой Федор Иванович – помешанный, а собственные подданные величают его «русским словом *durak*». Кто, когда и за что обозвал так государя, остается за пределами этого высказывания, то есть оно бесконтекстно. Другая излюбленная фраза из того же ряда

принадлежит польскому посланнику Сапеге, который счел, что у Федора Ивановича вовсе нет рассудка. Наверное, имеет смысл напомнить, что и польско-литовское государство, и шведское находились тогда в весьма недружественных отношениях с Россией, а конфликт со шведами в конечном итоге был решен оружием. Ни у поляков, ни у шведов не было ни малейших причин испытывать сколько-нибудь добрые чувства к русскому царю. В государственной летописи сохранилось описание начальных дней царствования этого государя. Нигде не видно никаких признаков слабоумного поведения – напротив, когда проходил обряд венчания на царство, Федор Иванович дважды публично выступал с речами, утверждая свое желание повторить эту церемонию, впервые введенную при его отце. Конечно, сейчас трудно судить, сколь точно передано летописцем содержание монарших речей. Но сам факт их произнесения никаких сомнений не вызывает: англичанин Горсей, беспристрастный свидетель происходящего, тоже пишет, что царь прилюдно держал речь¹⁰. Дьяк Иван Тимофеев дает Феодору Ивановичу такую оценку: «Своими молитвами царь мой сохранил землю невредимой от вражеских козней. Он был по природе кроток, ко всем очень милостив и непорочен, и, подобно Иову, на всех путях своих охранял себя от всякой злой вещи, более всего любя благочестие, церковное благолепие и, после священных иереев, монашеский чин и даже меньших во Христе братьев, убажваемых в Евангелии самим Господом.

Просто сказать, – он всего себя предал Христу и все время своего святого и преподобного царствования, не любя крови, как инок проводил в посте, в молитвах и мольбах с коленопреклонением – днем и ночью, всю жизнь изнуряя себя духовными подвигами»¹¹.

¹⁰ Д. Володихин. Царь Федор Иоаннович. Когда на троне блаженный // <http://www.theopragnosis.ru/istoria/car-fedor-ioannovic>

¹¹ Временник Ивана Тимофеева.

Федор I Иванович. Реконструкция М. М. Герасимова

И в завещании Ивана Грозного 1572 года оба брата – Иван и Федор – представлены одинаково дееспособными, и разница между ними была лишь в старшинстве. Младший сын Федор получал по данному завещанию отца удел с 14 городами, главным из которых был Суздаль. Предсмертное завещание Ивана Грозного до нас не дошло. Оно лишь упоминается в описи Посольского приказа 1614 года. В этой духовной грамоте также ничего не говорится о слабости и недееспособности Федора Ивановича, а лишь то, что после смерти старшего сына Ивана

Ивановича Иван IV сделал Федора своим наследником, а младшему, Дмитрию отвел в удел город Углич. Так что говорить о «слабоумии» царя Федора Ивановича нет никаких оснований, кроме субъективного мнения некоторых иностранных «гостей» Москвы.

Историческая справка

Феодор I Иванович прозванный Блаженным¹² (11 мая 1557—7 января 1598) – царь всея Руси и Великий князь Московский с 18 марта 1584 года, третий сын Ивана IV Васильевича Грозного и царицы Анастасии Романовны, последний представитель московской ветви династии Рюриковичей.

По словам иноземцев на русской службе Таубе и Крузе, Федор Иванович должен был стать наследником опричной половины Русского царства (что, впрочем, весьма сомнительно, так как опричная территория не была постоянной, а в завещаниях Ивана Грозного ничего о таких намерениях не сообщается). Участвовал в Ливонском походе осенью 1572 года. Числился кандидатом на польский престол в 1573, 1576 и 1577 годах. Женился в 1580 году на Ирине Федоровне Годуновой.

По словам самого Ивана Грозного, Федор был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рожденный», ему при жизни приписывали дар прорицания.

От брака с Ириной Годуновой имел дочь Феодосию (1592), которая, по свидетельству патриарха Иова, прожила четыре года (по другим данным – всего 9 месяцев).

Большинство историков считают, что Федор был не способен к государственной деятельности, принимал мало участия в управлении государством, находясь под опекой сначала совета вельмож, затем своего шурина Бориса Федоровича Годунова, который с 1587 года был фактически единоличным правителем государства, а после смерти Федора стал его преемником. «Федор царствовал, Борис управлял – это знали все и на Руси, и за границей».

В то же время известно, что государственные дела он обсуждал с боярами в Переднем покое, а особо важные вопросы решал со своими приближенными в личном кабинете – то есть, государственными делами все же занимался.

При Федоре Ивановиче зодчим Ф. Конем были возведены стены и башни Белого города, пушечным литейщиком Андреем Чоховым была отлита знаменитая Царь-пушка. В 1589 году учреждено патриаршество (первым патриархом стал Иов, ставленник Бориса Годунова). В период правления Федора Ивановича было начато строительство города Архангельска (1585), столицы Западной Сибири Тобольска (1587), заложены каменные укрепления Смоленска (1596). Была принята присяга на подданство от царя Иверского (Грузия) Александра. Во время Русско-шведской войны 1590–1595 годов были возвращены России города Ям, Ивангород, Копорье, Корелы.

В конце 1597 года царь Федор Иванович заболел и 7 января 1598 года в час утра скончался. На нем пресеклась московская линия династии Рюриковичей (потомство Ивана I Калиты). Тело его погребено в московском Архангельском соборе.

Патриарх Иов писал: «Когда же благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович достиг меры возраста зрелого мужа, сорока одного года, приключилась ему тяжкая болезнь, в которой он пребыл немалое время...»¹³ Бориса Годунова называют главным виновником смерти царя. Исаак Масса пишет: «Федор Иванович внезапно заболел и умер 5 января

¹² Русская православная церковь признала его местночтимым (то есть, почитаемым только в какой-либо одной епархии) московским святым, которому до сих пор совершаются молебны.

¹³ Патриарх Иов. Повесть о честном житии... Федора Ивановича...

1598 года. Я твердо убежден в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее стать царицей, и многие москвичи разделяют мое мнение».

Портрет Исаака Массы работы Франса Халса, 1626 г.

Григорий Котошихин писал в своем сочинении: «Той же боярин [Борис Годунов], правивше государством неединолетно, обогатился зело. Проклятый же и лукавый сотана, искони ненавидяй рода человека, возмути его разум, всем бо именем, богатством и честию исполнен, но еще несовершенно удовлетворен, понеж житие и власть имеяй царскую, славою же несть. И дьяволим научением мыслил той боярин учинитись царем...»

«Некоторые сказывают, якобы царица¹⁴, думая, что оный брат ее причиной смерти был государя царя Феодора Иоанновича, до смерти видеть его не хотела»¹⁵.

Иван Тимофеев, говоря о смерти Федора Ивановича, прямо указывает на его убийцу: «Некоторые говорят, что лета жизни этого живущего свято в преподобии и правде царя, положенные ему Богом, не достигли еще конечного предела – смерти, когда незлобивая его душа вышла из чистого тела; и не просто это случилось, а каким-то образом своим злым умыслом виновен в его смерти был тот же злой властолюбец и завистник его царства [Борис Годунов], судя по всем обличающим его делам, так как он был убийца и младшего брата [Дмитрия Углического] этого царя. Это известно не только всем людям, но небу и земле. Бог по своему смотрению попустил это и потерпел предшествующее [убийство], а он рассудил в себе [совершить второе убийство], надеясь на наше молчание, допущенное из-за страха пред ним при явном убийстве брата того [Федора], царевича Димитрия. Так и случилось. Знал он, знал, что нет мужества ни у кого и что не было тогда, как и теперь, „крепкого во Израиле“ от головы и до ног, от величайших и до простых, так как и благороднейшие тогда все онемели, одинаково допуская его сделать это, и были безгласны, как рыбы, – как говорится: „если кто не остановлен в первом, безбоязненно устремляется и ко второму“, – как он и поступил»¹⁶.

В «Истории Государства Российского» Карамзин приводит выписки из летописей: «Глаголют же неции, яко прият смерть государь царь от Борисова злохитоства, от смертоноснаго зелия».

Действительно, при вскрытии гробницы «зелия» в останках царя Федора обнаружено более чем достаточно для летального исхода: содержание мышьяка превышает норму в 10 раз (0,8 мг при норме 0,08 мг).

Если учесть, что мышьяк действует быстро, при больших дозах – практически мгновенно, а ртуть ведет к постепенному отравлению организма, то из приведенных выше цифр можно сделать вывод: когда царевичам нечего было опасаться, они использовали мышьяк. Так было во время детских лет царя Иоанна. Его мать, Великую княгиню Елену Глинскую, отравили мышьяком, так как высокопоставленным преступникам не угрожало серьезное расследование: ее муж, великий князь Василий III, отец царя Ивана, умер за пять лет до этого, а сам Иван Васильевич был слишком мал – в момент смерти матери ему исполнилось всего 8 лет.

Таким же образом – с помощью мышьяка – расправились и с царем Федором Ивановичем. Когда его отравили в 1597 году, из близких родственников у него оставались только жена – Ирина Годунова, и ее брат – правитель Борис Годунов. И если Годунову удалось еще при жизни царя Феодора скрыть от него правду о смерти царевича Дмитрия в Угличе, то уж теперь-то расследовать преступления Годунова было просто некому. Если его сестра-царица что-то и подозревала, то она промолчала.

До мертвого царя уже никому не было дела. Бояре, занятые дележом государева наследства, не сумели (или не захотели) похоронить последнего из династии Калиты с полагающимися ему почестями. Даже саркофаг был изготовлен небрежно. Мастер-резчик в слове «благочестивый» допустил грубую ошибку и вырезал вместо буквы «б» букву «г». Так один из благочестивейших московских царей, посвятивший свою жизнь посту и молитве, был после смерти назван «глагочестивым». И никто не удосужился проверить саркофаг, исправить ошибку. Видимо, оказалось недосуг за спорами о том, кому быть теперь царем на Руси...

Но если не та буква еще может быть признана, с грехом пополам, случайной ошибкой, то полным неуважением выглядит то, что в гробнице был установлен неприлично простой для

¹⁴ Ирина Годунова, супруга царя Федора Иоанновича и сестра Бориса Годунова.

¹⁵ Это не так, известно, что Ирина Годунова принимала самое активное участие в выборах нового царя и сделала все, чтобы ее брат Борис воссел на престол.

¹⁶ Временник Ивана Тимофеева.

царственной особы сосуд-кубок для святого миро¹⁷. А ведь проследить за этим было не только государственной обязанностью, но и родственным долгом Бориса Годунова.

Надо признать, что никто из претендентов на трон – ни Шуйские, ни Романовы, ни тем более Годунов, – не горели желанием выяснить причины смерти царя Федора Ивановича. А ведь смерть бездетного царя означала, что династический кризис неизбежен. Начало избирательной компании новой династии стало и началом Смуты.

¹⁷ Миро (ст.-слав, муро, др.-греч. «ароматное масло») – в христианстве специально приготовленное и освященное ароматическое масло, используемое в таинстве миропомазания для помазания тела человека и при освящении храма. Ранее использовалось при помазании царя на царство. Освященное миро хранится в православных храмах в специальном сосуде – мирнице, которая устанавливается на престоле.

Глава 2

Царь Борис

Непризнанный самодержец

У стен величественного Успенского собора Троице-Сергиевой лавры, построенного стараниями Ивана Грозного и его сына Федора, в скромной усыпальнице покоятся останки несчастного семейства Годуновых, так дорого заплативших за немногие годы высшей власти. Здесь находится и прах царя Бориса – одного из самых загадочных правителей России. Дата рождения, национальность, степень образованности, карьера и сама смерть – все покрыто таинственным покровом, сквозь который напрасно тщатся проникнуть исследователи старины. С юности за будущим царем тянулся след ядовитых слухов. Наверно, не было ни одного громкого политического преступления на Руси, в котором молва не обвиняла бы семейство Годуновых. Одни историки решительно отменяют все обвинения, возведенные за минувшие столетия на Бориса и его родственников, и объявляют его мудрейшим и достойнейшим правителем, другие видят в нем исчадь ада, способное на все ради престола. Борьба мнений идет с переменным успехом и едва ли когда-нибудь прекратится. И все же победа в этом споре уже одержана, но не историком, а поэтом. Каждый, кто знаком с пушкинским «Годуновым», навсегда останется под обаянием этого гениального произведения. Однако исторические факты не всегда укладываются в рамки художественного произведения.

Усыпальница Годуновых в Троице-Сергиевой лавре

Борис родился в семье небогатого вяземского помещика на переломе XVI века. Наиболее достоверной датой считается 1552 год. Это был знаменательный год: год взятия Казани, начало наступления Руси на Восток, время создания Российской империи в той форме, какая была присуща нашему государству на протяжении последующих трех с половиной веков. Мнение о

татарских корнях Годунова опиралось на «Сказание о Чете», в котором родоначальником рода Годуновых назван Чет-мурза, выехавший на Русь из Орды еще при Иване Калите. Но, по мнению Р. Г. Скрынникова, этот документ создан для «подтверждения» княжеского происхождения Бориса и не заслуживает доверия. Предком будущего царя был костромской вотчинник XIV века Дмитрий Зерно. От него произошли Годуновы, Вельяминовы и Сабуровы. Они служили Дмитрию Донскому, Василию I, Василию II. Однако на протяжении двух веков Годуновы и Вельяминовы превратились в мелких помещиков, тогда как Сабуровы продолжали пользоваться известностью. Соломонида Сабурова была супругой Великого князя Василия III, Евдокия Сабурова вышла замуж за царевича Ивана, сына Ивана IV. Так что теоретически Годуновы имели с царствующим домом неплохие родственные связи. В возрасте семи лет Борис осиротел и вместе с сестрой и братом был принят в семью дяди, Дмитрия Ивановича.

Звезда Годуновых взошла в 1565 г. Царь Иоанн Грозный искал верных людей и Дмитрий Годунов, благополучно пройдя отборочную комиссию, стал опричником. Он, в прямом смысле слова, пришелся ко двору и играл там не последнюю роль. Благодаря покровительству дяди, Борис и его сестра Ирина воспитывались в царских палатах, играли с детьми царя.

Когда Дмитрий Годунов попал во дворец, все первые места были уже заняты. Во главе опричного правительства стояли А. Басманов, оружничий А. Вяземский, постельничий В. Наумов и ясельничий П. Зайцев. Но Годуновым везло: умер Василий Наумов, и Годунов-дядя занял освободившийся пост руководителя Постельного приказа. Теоретически он должен был заботиться о царском обиходе, но на практике в его обязанности входило в том числе и обеспечение безопасности государя и его семьи. Теперь в ведении Дмитрия Годунова были многочисленные слуги и внутренняя стража дворца, а на ночь постельничий ложился в одной комнате с царем. Не удивительно, что сразу по достижении совершеннолетия Борис получил свой первый придворный чин – стряпчего. В обязанности будущего правителя входило подавать и принимать государеву одежду, когда царь переодевался, а в ночное время дежурить в дворцовых сенях. Трудно сказать, какие мысли бродили в голове у 15-летнего подростка в тот момент, когда он держал в руках тяжелые, шитые золотом и жемчугами царские одеяния. Не тогда ли и зародилось его болезненное честолюбие, отмечаемое всеми современниками?

Вскоре молодой стряпчий становится зятем знаменитого Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского¹⁸ (известного больше под именем Малюта). Некоторые историки считают, что шеф опричной контрразведки искал покровительства постельничего, но, скорее всего, Годуновы были заинтересованы в нем не меньше. Дядя с племянником готовились к тяжелым политическим битвам и нуждались в сильных союзниках. В течение нескольких последующих лет положение Годуновых сильно укрепилось. Летом 1570 г. были казнены замешанные в новгородской измене А. Вяземский и А. Басманов. Из старого опричного руководства на плаву остались Годуновы и Скуратовы-Бельские. А осенью 1571 г. состоялась двойная свадьба. Царевич Иван женился на Евдокии Сабуровой и род Годуновых через нее вновь породнился с царским домом. Сам Грозный царь взял в жены Марфу Собакину. Свахами царицы были жена Бориса Мария Скуратова и его теща, а сам Борис и Скуратов-Бельский стали друзьями царской невесты. Однако нити, связавшие семью Годуновых с престолом, оборвались неожиданно быстро: через две недели после свадьбы царица Марфа умерла, а через год оказалась в монастыре и царевна. Труды Годуновых пропали втуне. К тому же геройски погиб на войне тесть Бориса,

¹⁸ Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский (Малюта). С 1567 г. – сотник в опричном войске. С 1569 г. – шеф царской службы безопасности. Погиб в бою 1 января 1573 года, лично возглавив штурм крепости Вайсенштейн (ныне Пайде). По приказу царя его тело было перевезено в Иосифо-Волоколамский монастырь. Похоронен рядом с могилой своего отца. До настоящего времени захоронение не сохранилось. По другим данным – погребен в фамильном склепе в Антипьевской церкви на Волхонке. Царь «дал по холопе своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове» вклад в 150 рублей – больше, чем по своему брату Юрию или жене Марфе. В 1577 году Штаден записал: «По указу Великого князя его поминают в церквях и до днесь». После смерти Скуратова его родственники продолжали пользоваться царскими милостями, а его вдова получала пожизненную пенсию, что было уникальным явлением для того времени.

Малюта. Но неудачи не сломили Годуновых. Они уже разрабатывали новые планы, не уступающие по широте размаха предыдущим: царь решил женить младшего сына Федора, и царевной стала Ирина, сестра Бориса.

Примерно в это же время Иван Грозный распустил опричнину и заменил ее так называемым «Двором». Новое правительство возглавили Василий Колычев и Борис Тулупов. Дмитрий Годунов получил повышение по службе – думный чин окольничего. Но такая расстановка сил не удовлетворила честолюбие царских родственников, рассчитывавших на большее. Годуновы посчитали себя достаточно сильными для открытой схватки и начали местнический спор с боярами, заступившими им путь к власти.

Местнический спор для тех времен был вещью очень серьезной: от того, кто в нем победит и займет более высокую должность, зависела не только личная карьера боярина, но и служебный успех всего рода на многие десятилетия вперед. Никогда уже потомки побежденного не смогли бы подняться по служебной лестнице выше, чем потомки победителя. В свою очередь, на победу в споре мог рассчитывать только тот, чьи предки хотя бы раз имели в подчинении кого-либо из предков соперника. Необоснованные претензии на чужое служебное место карались весьма строго. Борьба шла буквально не на жизнь, а на смерть. Противники Годуновых были выданы им головой и казнены. Вотчины местничавшегося с Годуновым князя Тулупова достались победителю в виде трофеев, а место на политическом Олимпе занял триумvirат Годуновых – Бельских – Нагих. Они не успокоились, пока не смели всех своих политических противников. Дмитрий Годунов получил боярский чин, не полагавшийся ему по родству, Борис Годунов – думный чин кравчего, а его свояк Богдан Бельский стал оружничим. Это правительство оставалось у власти почти 10 лет – до самой смерти царя Ивана IV.

В ноябре 1581 г. погиб царевич Иван. Рассказ о том, как Грозный царь убил своего сына, давно стал хрестоматийной историей. Однако современные исследователи уже не столь уверены в причинах смерти царевича. Р. Г. Скрынников пишет, что наряду с побоями, здоровье Ивана пострадало от нервного потрясения. Историк церкви митрополит Иоанн (Снычев) вообще утверждал, что смерть царевича была естественной. Об этом же упоминают и некоторые современники тех событий, например, служивший в охране Бориса Годунова наемник Жак Маржерет, написавший в своих мемуарах, что царевич Иван Иванович умер от болезни во время путешествия на богомолье.

Однако, как уже говорилось выше, известно, что содержание ртути и мышьяка в останках царевича во много раз превосходит ПДК, что свидетельствует об отравлении. Как бы то ни было, смерть наследника престола оказалась исключительно выгодной прежде всего клану Годуновых. Более того, народная молва обвинила именно их в этой смерти. Причиной этих слухов послужила перемена в отношениях между Грозным и Борисом: царь стал все чаще проявлять к недавнему любимцу недоверие и неприязнь.

Еще при жизни старшего сына Ивана Грозный выделил Федору огромный удел, превосходящий по размеру любое европейское государство. Заботу о благочестивом Федоре, которого подданные считали блаженным, царь поручил Годуновым. Работа была почетная и несложная, оставлявшая много времени для совершенствования тактики придворных интриг. К тому же, Годуновы сдружились с Федором и приобрели на него огромное влияние. Пока был жив царевич Иван, Грозного это вполне устраивало. Смерть старшего сына все изменила: теперь Федор стал наследником престола, а близкие ему Годуновы слишком усилились. У Федора и Ирины не было детей, да и здоровье нового наследника внушало опасения. Это грозило пресечением династии. В таких обстоятельствах царь потребовал от сына развода и заключения Ирины Годуновой в монастырь. Но Федор, любивший жену и не желавший нарушать церковных установлений, запрещающих развод, воспротивился воле отца. Стоит ли говорить, что и Годуновы всеми силами старались не допустить удаления царевны Ирины. Это вызвало гнев

царя, но, вопреки приписываемой ему жестокости, привело лишь к еще большему охлаждению между Иоанном и Борисом. Царь заменил Годунова другим любимцем – Богданом Бельским¹⁹.

Но позицию Бориса поколебало не удаление от трона, а рождение у царя еще одного сына – царевича Дмитрия. Через полгода Грозный слег от «горячки». В течение десяти дней положение царя то улучшалось, то ухудшалось, пока не наступила странная смерть... в присутствии Бориса Годунова. Народ приписал смерть Ивана Грозного отраве, положенной в лекарство рукой то ли Годунова, то ли Бельского, которые совместно подхватили выпавшую из царских рук власть. В сопровождении неожиданно появившейся сразу же после смерти царя свиты и охраны, такой многочисленной, что, по словам Дж. Горсея, «странно было это видеть», Годунов и Бельский привели к присяге московскую знать, опечатали казну, расставили на кремлевских стенах верные им отряды. Уже через шесть часов Кремль был в их руках.

Царь Иван IV завещал группе бояр заботиться о царе Федоре и государстве. Долгое время считалось аксиомой членство Годунова в этом своеобразном опекуновском совете. Но Р. Г. Скрынникову удалось убедительно доказать, что в царском завещании упоминались четверо опекунов: Иван Мстиславский, Иван Шуйский, дядя царя Никита Романов-Юрьев²⁰ и любимец Грозного Богдан Бельский. Годунов не вошел в четверку сильнейших, более того, не получил никакой должности. Почти достигнутая власть ускользала из рук. По свидетельству австрийского посла, такой оборот дел очень задел Бориса в душе. Мириться с создавшимся положением он не собирался.

В ночь после смерти Ивана Грозного в Москве начались волнения. В Кремле схватили Нагих, родственников царевича Дмитрия по матери. В городе ввели военное положение, прошли массовые аресты. Многочисленная толпа посадских людей волновалась у закрытых кремлевских ворот. Одни кричали, что Бельский, отравив царя Ивана, злоумышляет на Федора и хочет посадить на престол Годунова; другие – что бояре побивают Годуновых; третьи – что Годуновы решили извести всех бояр. Когда в толпе появились служилые дворяне со своими боевыми холопами, дело приняло серьезный оборот. Восставшие захватили пушки и повернули их на Спасские ворота. В схватке погибло 20 человек, и около 100 было ранено. Правительство пошло на переговоры. Но среди бояр не было единства: Мстиславский, Романов и Шуйский поддержали казначея П. Головина в борьбе с Б. Бельским, за которым стояли Годуновы и Щелкаловы – «новые русские» XVI века, пробившиеся на вершину власти при Грозном. Результат оказался плачевным для Бельского: сам он был сослан в почетную ссылку, а царевич Дмитрий и Нагие отправились в Углич.

Несмотря на эту неудачу, в течение трех следующих недель Борис совершил головокружительный прыжок к высшему в России придворному званию конюшого. Этот чин делал царского шурина главой Боярской Думы. Но главное, теперь, в случае прекращения царствующей династии, Годунову принадлежала власть в период междуцарствия и решающее слово при выборе нового царя.

Во время венчания на царство Федора Ивановича новоиспеченный конюший стоял рядом с царем, и утомившийся Федор отдал Борису «подержать» знак верховной власти – тяжелый золотой шар-державу. Это произвело на присутствующих неизгладимое впечатление.

¹⁹ Богдан Яковлевич Бельский (ум. 1611) – видный деятель опричнины, участник Ливонской войны. Племянник Малюты Скуратова, шурина Бориса Годунова. Сподвижник Ивана Грозного в последние годы, был его агентом в разных дипломатических поручениях (в частности, в переговорах с Англией). Царь умер в присутствии Бельского (по одной из версий, был задушен им и Борисом Годуновым).

²⁰ Никита Романович (ум. 23 апреля 1585 или 1586) – русский государственный деятель, окольничий, боярин, дворецкий. Основатель династии Романовых. Сын Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, дед русского царя Михаила Федоровича, отец патриарха Филарета, брат царицы Анастасии Романовны. Умер, приняв монашество с именем Нифонта; погребен в фамильном склепе в подклете Преображенского собора Новоспасского монастыря. Сыновья: Федор (патриарх Филарет) (ок. 1556–1633); Лев (ум. 1595); Михаил (ум. 1602); Александр (ум. 1602); Никифор (ум. 1601); Василий (ум. 1602); Иван (ум. 1640).

Вскоре всеми делами в стране заправляли Никита Романов, Борис Годунов и дьяк Щелкалов. Их худородство действовало на князей-Рюриковичей как красная тряпка на быка. Столкновение было неизбежно. Борьба развернулась за контроль над министерством финансов – Казенным приказом. Казначей Петр Головин, победитель Богдана Бельского, только и ждал случая разделаться с ненавистными выскочками. Борис нанес ему упреждающий удар: поднял на заседании правительства вопрос о ревизии казны. Ход оказался бесприкрытый. Хищения были так велики, что казначей суд приговорил к смерти, а его брата Владимира – к ссылке и конфискации имущества. Это настолько ухудшило позиции представителей аристократии в правительстве, что Никита Романов осмелился выступить против Ивана Мстиславского. Схватка закончилась для Мстиславского монастырской кельей, а для Романова – перенапряжением и тяжелым смертельным недугом. Власть же досталась Годунову и его союзникам, братьям Щелкаловым.

Однако царь Федор имел слабое здоровье и часто болел. Его смерть означала для Годунова в лучшем случае конец политической карьеры, а в худшем (и наиболее вероятном) – гибель. Стремясь застраховаться от подобного поворота событий, Борис вступил в тайные переговоры с правительством Священной Римской империи и предложил, в случае смерти Федора, заключить брак между своей сестрой и гипотетической вдовой царицей Ириной и австрийским принцем. Интрига стала известна в Москве. Говорили, что царь, узнав о том, что шурин просватал его жену, несмотря на свое миролюбие, поколотил Бориса посохом. Годунов был в панике и готовился к самому худшему. Он пожертвовал в Троице-Сергиев монастырь 1000 рублей (более 50 кг золота в современных ценах) и в то же время обратился к английскому правительству с просьбой о предоставлении политического убежища.

И было чего опасаться. К весне 1586 года уже вся столица говорила о том, что Годуновы при живом царе выдают замуж царицу, хотят посадить на российский престол австрийского католика и убежать к английским протестантам. Подозрительная смерть народного любимца боярина Никиты Романова накалила обстановку до предела.

В мае Москва поднялась. Толпы посадских людей ворвались в Кремль, требуя выдачи Годуновых, чтобы побить их «всех разом» камнями. Борис пошел на поклон к Шуйским, стоявшим за спиной восставших. Князь Иван Шуйский, последний из оставшихся в столице четырех бояр, назначенных Грозным в помощь своему сыну, уже считал себя хозяином положения. Не желая вмешивать плебс в свои боярские дела, он уговорил народ покинуть Кремль. Это была его роковая ошибка.

Годуновы оправились быстро. Уже в ночь после бунта вожди мятежников были схвачены и бесследно исчезли. Обеспокоенные Шуйские решили нанести Годуновым решительный удар: они подали царю челобитную с просьбой о разводе с Ириной Годуновой. Под прошением подписались многие бояре и московские купцы. Но если уж сам Иван Грозный не преуспел в этом предприятии, то Шуйский и подавно потерпел неудачу. Царь Федор был в гневе. Воспользовавшись его недовольством, Годуновы обвинили Шуйских, быть может, не без основания, в государственной измене. Шуйским грозил суд и тогда они в отчаянье решились на крайнюю меру и предприняли неудачную попытку взять штурмом двор Годуновых. На поле боя полегло 800 человек. После этого последовали многочисленные аресты и казни сторонников Шуйских. Сам Иван Шуйский был сослан в монастырь и вскоре удушен, его братья попали в тюрьму, и по крайней мере один из них, Андрей, также был умерщвлен. Среди схваченных сторонников Шуйских был насильно постриженный в монахи Аверкий Палицын, знаменитый впоследствии келарь Троице-Сергиева монастыря и летописец Смутного времени. Митрополит Дионисий, сторонник Шуйских, обличал перед Федором «беззакония Годунова» и пострадал за это: был лишен сана и сослан в Новгород.

15 мая 1591 года в Угличе погиб царевич Дмитрий.

Теперь, после смерти Дмитрия, ничто уже не закрывало Борису дорогу к власти. В июле 1591 года Крымская орда, совершая свой последний в русской истории набег на столицу, была разбита и бежала от стен Москвы, и Борис не преминул этим воспользоваться. Хотя Годунов ничем не отличился на поле боя (а по некоторым данным, и вовсе на нем не появлялся²¹), он получил многочисленные награды и присоединил к званию конюшего титул «царского слуги» – наиболее почетный и очень редко присваиваемый за исключительные заслуги. Но этого ему было мало, и вскоре Борис наградил себя еще одним, неслыханным и невозможным при живом самодержце титулом: правителя государства. Теперь Годунова официально величали «царским шурином и правителем, слугой и конюшим боярином и дворовым воеводой и содержателем великих государств – царства Казанского и Астраханского».

Как метко заметил Р. Г. Скрынников, смысл этих титулов был понятен всем: Годунов объявил себя единоличным правителем государства и сам царь находился у него в полном подчинении. Боярская Дума заполнялась родней правителя, он контролировал все важнейшие ведомства и посты в государстве. За несколько лет Борис превратился в самого богатого человека России: его владения приносили до 100 000 рублей ежегодно, что составляло 10 % от государственного дохода. Он мог выставить в поле до 100 000 бойцов. Приняв самое активное участие в учреждении патриаршества и возведя в патриарший сан близкого ему митрополита Иова²², Борис заручился поддержкой высшей церковной иерархии. Чувствуя за спиной церковь, деньги и оружие, Годунов был готов сделать последний шаг к трону.

6 января 1598 года умер царь Федор, не оставив ни наследника, ни завещания. Были слухи, будто царь назвал в качестве преемника Федора Романова, одного из своих двоюродных братьев: «Поскольку царь не имел детей, встал вопрос о наследовании престола. Дошедшие до нас сведения об этом сбивчивы. По некоторым сказаниям, когда бояре приступили с вопросом, кому царствовать после него, то он передал скипетр своему двоюродному брату Федору Никитичу Романову, но тот отказался и вручил скипетр следующему брату Александру; тот, в свою очередь, передал его третьему брату Ивану, а от Ивана он был передан и четвертому Михаилу; Михаил тоже отказался и передал дальше. В конце концов, скипетр вернулся в руки царя. Тогда умирающий указал: „Возьми же его, кто хочет; я не в силах более держать“; в этот миг Борис Годунов протянул свою руку и взял его». Но, по другой версии, эта легенда была придумана значительно позже, чтобы обосновать права Романовых на престол.

Официальная версия, исходившая от Годуновых, была такой: «Как значилось в утвержденной грамоте ранней редакции, Федор „учинил“ после себя на троне жену Ирину, а Борису „приказал“ царство и свою душу в придачу. Окончательная редакция той же грамоты гласила, что царь оставил „на государствах“ супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил своими душеприказчиками. Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тщетно напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь отмалчивался и ссылался на

²¹ «...полки русские завязали большое сражение с нечестивыми и целый день непрестанно бились в различных местах близости от стольного града Москвы. Сам же искусный правитель и непобедимый воин Борис Федорович с прочими силами и множеством огнестрельных орудий **оставался в тот день в упомянутом укрепленном обозе»** (*Патриарх Иов. Повесть о честном житии... Федора Ивановича...*).

²² Патриарх Иов (в миру Иван; ок. 1525–19 июня 1607) – первый Патриарх Московский (1589–1605). Родился ок. 1525 года в Старице в семье посадских людей. Принял монашеский постриг в Старицком Успенском монастыре с именем Иов в честь Иова Многострадального. Впоследствии стал игуменом (с 1566 по 1571 год) Старицкого Успенского монастыря. Так как Старица была одним из центров опричнины, привлек внимание Ивана Грозного и в 1571 году его перевели в Москву в Симонов монастырь. В 1575 году стал архимандритом царского Новоспасского монастыря в Москве. С 1581 года епископ Коломенский. В Коломне был до 1586 года, когда был назначен архиепископом Ростовским. С середины 1580-х годов близкий сподвижник Бориса Годунова; при его содействии возведен в митрополиты Московские (1586 год) и 26 января 1589 года поставлен находившимся в Москве константинопольским патриархом Иеремией II в первые патриархи Московские. В дальнейшем поддерживал политику Бориса. Канонизирован РПЦ в 1989 году в лике святителей.

волю Божью. Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона. По словам очевидцев, Федор наказал Ирине „принять иноческий образ“ и закончить жизнь в монастыре»²³.

Ирина Годунова. Скульптурная реконструкция по черепу

Патриарх Иов, сыгравший ключевую роль в избрании Годунова на царство и сам ставший в результате одной из первых высокопоставленных жертв Смутного времени, писал о событиях, случившихся после смерти Федора Ивановича прямо противоположное: «Начиная с самого великого князя Владимира, ни один самодержец Великой России не скончался без-

²³ Скрынников Р. Г. Далекый век.

детным, ныне же, когда Божиим пречистым провидением благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович отошел к Господу, из-за грехов всего христианского православного народа не осталось благородных отпрысков царского корня, и царь вручил свой скипетр законной супруге своей, благоверной царице и великой княгине всея Руси Ирине Федоровне... Искусный же правитель упомянутый Борис Федорович вскоре повелел боярам своей царской думы целовать животворный крест и присягнуть благочестивой царице по обычаям их царских величеств; у крестного целования был сам святейший патриарх со всем освященным собором»²⁴.

После смерти Федора бояре, опасаясь бедствий междоусобия, решили присягнуть Ирине. Так они собирались воспрепятствовать вступлению на трон Бориса Годунова. «Преданный Борису Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. Обнародованный в церквах пространный текст присяги вызвал общее недоумение. Подданных заставили принести клятву на верность патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, **правителю Борису и его детям**. Под видом присяги церкви и царице правитель фактически потребовал присяги себе и своему наследнику... Исполнок веку в православных церквах пели „многие лета царям и митрополитам“. Патриарх Иов не постеснялся нарушить традицию и ввел богослужение в честь вдовы Федора. Летописцы сочли такое новшество неслыханным. „Первое богомолитие [было] за нее, государыню, – записал один из них, – а преже того ни за которых цариц и великих княгинь Бога не молили ни в охтенях²⁵, ни в многолетье“. Иов старался утвердить взгляд на Ирину как на законную носительницу самодержавной власти. Но ревнители благочестия, и среди них дьяк Иван Тимофеев, заклемили его старания, как „бесстыдство“ и „нападение на святую церковь“»²⁶.

Однако самостоятельное правление царицы не заладилось с первых дней. Уже через неделю после кончины мужа она объявила о решении постричься. В день ее отречения в Кремле собрался народ. Официальные источники позже писали, будто толпа, переполненная верноподданническими чувствами, слезно просила вдову остаться на царстве. Реальное настроение народа внушало тревогу властям. Исаак Масса подчеркивал, что отречение Годуновой носило вынужденный характер: «Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу»²⁷. «Дабы избежать великого несчастья и возмущения», Ирина вышла на Красное крыльцо и объявила о намерении постричься. Австриец Михаил Шиль пишет, что взяв слово после сестры, Борис заявил, что берет на себя управление государством, а князья и бояре будут ему помощниками²⁸.

Но взять трон с налету Годунову не удалось: знать и народ не захотели подчиниться самозванцу. По словам современника, все выражали возмущение «шайкой Годуновых».

Вокруг опустевшего трона завязалась ожесточенная борьба между Годуновыми, Мстиславскими, Шуйскими и Романовыми. Никто из них не имел достаточно сил для победы над соперниками, и к концу января все осознали необходимость созвать для избрания новой династии Земский собор.

«Тогда руководство Боярской думы и столичные чины взяли на себя инициативу созыва избирательного Земского собора. После кончины Федора, записал московский летописец, „града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское“. Показания современников подтверждают достоверность этого известия. Некий немецкий агент сообщал, что уже в конце

²⁴ Патриарх Иов. Повесть о честном житии... Федора Ивановича...

²⁵ Ектеня – «протяжное моление» (греч.), в богослужении – название последовательности молитвенных прошений. Ектеня – одна из главных составных частей богослужения.

²⁶ Скрышников Р. Г. Далекий век.

²⁷ И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII века.

²⁸ Скрышников Р. Г. Далекий век.

января именитые бояре и духовные чины Пскова, Новгорода и других городов получили приказ немедленно ехать в столицу для избрания царя»²⁹. Но не все депутаты смогли добраться в Москву: Борис выставил на дорогах заставы, пропускавшие в столицу только верных ему людей. «На воеводских должностях в провинции сидели многие известные недоброжелатели Бориса, и он не желал допустить их к участию в соборе. По словам псковского очевидца, Годунов приказал перекрыть дороги в столицу и задержать всех лиц, ранее получивших приглашение прибыть в Москву»³⁰.

На соборе отсутствовал один из главных церковных иерархов того времени – будущий патриарх Гермоген. Это отсутствие было настолько вопиющим, что сторонники Бориса, составители «пояснительной записки» к Соборному Уложению об избрании Годунова на царство, сочли нужным пояснить, что Гермоген «был в то время в своей митрополии во граде в Казани для великих церковных потреб и земских дел»³¹.

И через 9 лет, встретившись на Соборе в Москве два патриарха, Иов и Гермоген, по-прежнему останутся верны, один – Годуновым, другой – Шуйским.

В Москве началась избирательная кампания, грозившая перейти в открытую схватку претендентов. Впоследствии Романовы пытались представить дело так, что именно родовитые Рюриковичи Шуйские стояли за политическим кризисом, охватившим Московское государство. «Новый летописец», созданный в окружении Филарета Романова, писал, что, «после смерти Федора, патриарх и власти, „со всей землею советовав“, решили посадить на царство Бориса Годунова, „князи же Шуйские едины ево не хотяху на царство“... По меткому замечанию С. Ф. Платонова, имя Шуйского было вставлено в эту летопись лишь для отвода глаз. В действительности главными противниками Годунова выступали не Шуйские, а Романовы. Княжеская знать принуждена была склонить голову под тяжестью опричного террора. Гонения Годунова довершили дело. Шуйские не осмелились выступить с открытыми притязаниями на корону и предпочли выждать»³².

«С января 1598 года в Литву стали поступать сведения о том, что в Москве определились четыре самых вероятных претендента на трон. Первые места среди них отводились Федору и Александру Никитичам Романовым. Их шансы казались исключительно большими. В феврале за рубежом разнеслась весть, что бояре избрали старшего Романова, а Годунова убили. Литовская секретная служба вскоре же убедилась в неосновательности этих слухов, но литовские „шпиги“ продолжали твердить, что бояре и воеводы согласны выбрать Романова за родство с прежним царем.

Последние места среди претендентов достались Мстиславскому и Борису Годунову. В жилах Мстиславского текла королевская кровь, он был праправнуком Ивана III и занимал пост главы Боярской думы. Но среди коренной русской знати литовские выходцы Мстиславские не пользовались авторитетом.

Литовцы совсем не высоко оценивали шансы Бориса. Он не имел никаких формальных прав на трон, так как не состоял в кровном родстве с царской фамилией³³. Передавали, что Федор перед смертью выразил отрицательное отношение к кандидатуре Бориса из-за его незнатного происхождения. На стороне Бориса, по сведениям лазутчиков, выступали меньшие

²⁹ Скрынников Р. Г. Далекий век. Борис Годунов. Земский собор 1598 года. // <http://www.bibliotekar.ru/polk-10/index.htm>

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Стоит отметить, что если Федор Романов был сыном брата умершей почти 40 лет назад царицы (жены Ивана Грозного Анастасии Романовой), то Борис Годунов был братом царицы Марии Годуновой, которая не только здравствовала, но и принародно передала брату Борису свою власть. Так что, если рассуждать логически, то Борис Годунов имел с точки зрения кровного родства гораздо больше прав на престол, чем Федор Романов, что почему-то игнорируется Р. Г. Скрынниковым и многими другими авторами, указывающими на родство с царским родом только Романовых. – *Авт.*

бояре, стрельцы и почти вся „чернь“. Но ни стрельцы, ни народ, по феодальным меркам, не могли иметь решающего голоса в таком деле, как избрание царя»³⁴.

Кроме того, в народе ходили упорные слухи, что Годунов отравил царя Федора. Положение настолько обострилось, что правитель не смог посещать заседания Боярской Думы и, бросив городское подворье, укрылся в загородном Новодевичьем монастыре, где уже жила его сестра Ирина. В Кремле он оставил доверенным лицом патриарха Иова.

17 февраля закончился траур по Федору и патриарх Иов собрал в своих палатах совещание, на которое никто из противников Годунова не попал. Из 474 участников этого «собора» 99 были священнослужители, еще 119 делегатов – мелкие помещики, всем обязанные Годунову. От имени духовенства была предложена кандидатура Бориса «в цари».

³⁴ Скрынников Р. Г. Далекий век.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.